

снова показать, как глубоко в подсознании нашего общества коренится убеждение в необходимости настоящего искусства для полного завершения строительства социализма в нашей стране и его конечной победы во всем мире».

ГРЭХЕМ ГРИН НА КУБЕ

Грэхем Грин снова посетил Кубу. Его роман «Наш человек в Гаване» был написан еще в 1958 году, во время правления диктатора Батисты. С тех пор Грин не возвращался в страну, которая стала называться «островом свободы». Он побывал здесь лишь совсем недавно и свои впечатления изложил в письме, опубликованном в реакционном еженедельнике «Фигаро литтерер». Письму предпослана редакционная врезка, в которой подчеркнуто, что «все, увиденное Грином в определенных областях жизни Кубы, резко отличается от того, что обычно рассказывают путешественники».

Что же так поразило французских журналистов?

Грин прежде всего пишет о блокаде, организованной США вокруг Кубы. Он попал туда через Мексику, которая взяла на себя неблагодарную роль полицейского кордона, задерживающего и обыскивающего путешественников, отправляющихся на Кубу.

«В Мексике я видел блокаду в действии, — пишет Грин. — На улицах Кубы я увидел ее результаты». Писатель рассказывает о трудностях, которые испытывает кубинский народ, и прямо называет виновников этих трудностей — североамериканских организаторов блокады. И все же не эти трудности определили для Грина лицо сегодняшней Кубы. Писатель все время сравнивает настоящее с тем, что было здесь во времена Батисты, и это сравнение всегда в пользу «острова свободы».

«Гавана, о которой я храню наиболее живые воспоминания, — это Гавана Батисты; от той печальной поры остались лишь большие отели вдоль Маликона, красивой автострады, огибающей Мексиканский залив, да элегантные и вполне respectable ночные рестораны. Тогда Гавана была большим городом, открытым для холостых кутил. Теперь «Мамбо», публичный дом, встречавший туриста на пороге гаванского аэропорта, превращен в ресторан; «Голубая луна» закрыта; закрыто и другое подобное заведение более высокого пошиба — сверхчеловеку негде больше совершать свои ночные обряды, наверно, он нашел себе убежище в Майами; закрыт и скоро будет разрушен театр «Шанхай», где за

1,25 доллара вы могли посмотреть ревью с голыми женщинами и три немых фильма, причем для особо ненасытных клиентов в фойе имелась еще библиотека порнографических изданий.

Вместе с публичными домами исчезли из отелей рулетки и азартные игры. Ведь Гавана была колонией не просто Америки, она была колонией Лас-Вегас*. Уехали гангстеры — значит, исчезла и полиция. В 1958 году ее роль здесь была такой же, как в Чикаго; ее вездесущие агенты стояли на всех углах, во всех барах, вестибюлях отелей и казино.

Теперь, чтобы найти хоть одного одежного в форму полицейского, надо все утро рыскать по городу.

Я лишь наскоро перечисляю некоторые изменения, которые сразу бросаются в глаза. Когда вы едете по направлению к «Загородному клубу», приходится проезжать мимо домов миллионеров; сквозь открытые двери гаражей можно видеть крестьян, сидящих на школьных скамьях перед черными классными досками (70 тысяч получают в Гаване образование).

На террасе аристократического клуба завтракают учащиеся школы драматического искусства, причем завтрак — бесплатный; а на мягком травяном склоне, где некогда были площадки для гольфа, расположилась новая Академия музыки, балета, народных танцев и изобразительных искусств. Мастерские художников, скульпторов и фресковой живописи созданы молодым архитектором Рикардо Порро и внешне напоминают выстроенную из кирпича африканскую деревню. Крыши домов здесь такие же, как у краалей; сложные извивы узких дорожек соединяют одно учебное помещение с другим; перед пешеходом неожиданно начинают бить веселые фонтаны и на каждом повороте вас встречает новый ландшафт. Это похоже на деревню, спрятанную среди холмов, и напоминает путешественнику, что Куба в такой же мере африканская страна, как и испанская, и что африканец наконец получил свободу... Сегрегация кончилась».

* Город штата Невада, который славится как увеселительное место, где царят самые распущенные нравы.

Каждому, прочитавшему этот отрывок, становится ясно, что смущает буржуазных журналистов в письме Грина: писатель не только не клеветает на новую Кубу — он приветствует социальные преобразования и, прежде всего ту культурную революцию, которая совершилась здесь за последние пять лет.

С уважением и теплотой говорит он о кубинском народе и его руководителях:

«Все речи Кастро создают впечатление, что это человек самых высоких помыслов. Он дает объяснение всем своим поступкам, признает все свои ошибки, делится всеми трудностями — вы чувствуете, что он уважает своих слушателей, и если и повторяет трижды одно и то же положение, то лишь для того, чтобы еще более прояснить его для самого себя.

Есть что-то в сегодняшней Гаване, напоминающее древние Афины: республика эта настолько мала, что ее граждане встречаются в народном собрании».

Трудно согласиться с Грэхемом Грином во всех его оценках, он, например, склонен придавать слишком большое значение церкви в жизни Кубы и совершенно фантастически толкует марксизм. Однако нельзя не видеть, что писатель искренне приветствует великие освободительные преобразования, происшедшие на острове, и чутко улавливает дух революционной романтики, которой овеяны дела молодого, социалистического государства.

ЧЕТЫРЕ ОТВЕТА ГАБРИЭЛЯ СЕЛАЙИ

«Либерта stampa», итальянская литературная премия за лучшее социальное значимое произведение, в 1963 году присуждена Габриэлю Селайе, выдающемуся испанскому поэту, чьи стихи, статьи и очерки — всегда яркие, наступательные, заостренные — сделали его одним из любимых писателей Испании.

Известный испанский критик и публицист **Рикардо Доменеч** поздравил **Габриэля Селайю** от имени читателей и задал ему ряд вопросов: о месте поэта в обществе, о долге писателя перед народом, о связи поэзии с действительностью. Запись беседы была опубликована в журнале «Инсула», и из скупых ответов Габриэля Селайи перед нами во весь рост встает фигура поэта-гражданина, воодушевляемого высокими идеалами служения народу.

Свое представление о роли литературы он сформулировал еще десять лет назад: «Поэзия стоит в одном ряду с теми средствами, которые перестраивают мир».

«Это высказывание, смысл которого глубоко запечатлелся в умах молодежи,—

напомнил ему Рикардо Доменеч,— можно считать твоим поэтическим кредо, выражением позиций поэта и интеллигента по отношению к определенной исторической действительности. Именно с этих позиций, которые я целиком разделяю, мне и хотелось бы вести нашу беседу».

Доменеч начинает с того, что представляется ему самым важным,— с проблемы воздействия поэзии на народ. Прогрессивные поэты Испании отвергли мертвящую теорию «искусства для искусства», они создали поэзию, которая ставит перед собой высокие и важные цели. И все-таки они ощущают трагическое противоречие в том, что «развитие поэзии сковано узкими рамками меньшинства», что «связь с народом несущественна еще в полной мере».

«Оказывает ли поэзия воздействие на сознание народа? И что делать поэту, коль скоро он не может непосредственно обращаться к народу?» — спрашивает Доменеч.

В ответе Селайи не слышно сомнений. В нем звучит гордая уверенность в том, что поэт необходим народу. Селайя опровергает известную точку зрения, что «сегодня поэты Испании могут лишь служить народу, а не писать для народа».

«При тех социально-политических условиях жизни, которые существуют для широких масс,— говорит Селайя,— нелепо было бы желать, чтобы они как по волшебству или благодаря смене литературных традиций ревностно принялись за чтение наших стихов. С другой стороны, искать популярности ценой «снижения», упрощения поэзии — значит изменить народу, которому мы решили служить».

Мой учитель говорил, что народу надо отдавать самое лучшее. Как же быть поэтам Испании в этих условиях? Мне кажется, мы должны продолжать дело, начатое пятнадцать лет назад. Мы должны глубоко проникнуться тем, что волнует большинство людей, изучать трудности, с которыми они сталкиваются, сделать так, чтобы немые обрели голос и выразили наконец свои сокровенные думы и чаяния».

Молодым поэтам, по мнению Селайи, удалось уже кое-чего добиться. Их творчество пробудило социальное сознание и у других литераторов.

«Но мы еще не пришли к народу и не придем к нему до тех пор, пока не свершатся перемены, зависящие целиком от нас. причем скорее как граждан, чем как поэтов».